

находятся уже за рамками состава и при наличии к тому оснований требуют самостоятельной правовой оценки. А поскольку в описанной выше ситуации с причинением смерти лицо считает, что уже достигло преступного результата своими первоначальными действиями, его отношение к возможным последствиям от действий по сокрытию тела может быть выражено исключительно в форме небрежности (не предвидело наступления общественно опасных последствий, хотя по обстоятельствам дела должно было и могло их предвидеть).

Так, очень важно учесть, что на практике многие лица, обвиняемые в совершении убийств с последующим сокрытием тела в водоемах, избирают в качестве защитной стратегии именно такой подход – «я считал, что он уже мертв, и сбрасывал его в воду для сокрытия тела. Топить его не хотел, наступления смерти именно в результате утопления не предвидел». И поэтому очень важна последовательная проверка всех доводов стороны защиты, установление обстоятельств, доказывающих, что виновный не мог предвидеть, что потерпевший не умрет, либо, напротив, опровергающих такие версии, подтверждая осознание виновного, что потерпевший еще жив, и тем не менее перемещал его в водоем.

Показательным здесь является Определение Верховного Суда РФ по уголовному делу № 35-УД22-8-А1 (Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2023), утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2023 г.): «Характер действий лиц, переместивших на тонкий лед реки избитого потерпевшего, который упал под лед и утонул, свидетельствует об умысле осужденных на причинение ему смерти». В подтверждение этого тезиса судами всех уровней, рассматривающих данное уголовное дело, было отмечено, что вопреки доводам защиты о восприятии виновным потерпевшего мертвым, его слова опровергаются собственными показаниями виновного, данными на предварительном следствии, а также показаниями свидетелей, в соответствии с которыми было установлено, что в момент перемещения тела потерпевшего к водоему, он нечленораздельно, но все-таки пытался что-то сказать, т. е. подавал признаки жизни. При таких обстоятельствах ссылка обвиняемого на незнание того, что потерпевший еще жив, безусловно, является несостоятельной, а его действия по изначальному причинению вреда здоровью потерпевшему и затем по перемещению его тела на тонкий лед водоема должны рассматриваться как единый комплекс действий, направленных на причинение смерти.

Необходимо отметить, что суды иногда уклоняются от доскональной проверки доводов обвиняемого, по сути, объединяя все его действия в единый комплекс и, как следствие, квалифицируя все содеянное как единое преступление – оконченное убийство.

Пример из практики. Нижнеилимским районным судом Иркутской области (уголовное дело № 1-6/2022 (1-128/2021)) П. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ: виновный в ходе конфликта с З. нанес последнему несколько ударов в лицо, а когда потерпевший упал, с силой бросил камень ему в голову. После этого, считая его умершим, с целью сокрытия совершенного деяния оттащил тело в реку.

Исходя из текста приговора, обвиняемый в ходе предварительного следствия, а затем и судебного разбирательства давал в целом последовательные показания и в части нанесения ударов, и в части перемещения тела к реке. Свидетельские показания, использованные судом для аргументации принятого решения, в основном содержали ссылки на то, что виновный сам рассказал, «что убил З.». При этом экспертом было констатировано, что «наиболее характерным для такого объема и тяжести внутренних повреждений, обнаруженных на трупе З., является потеря сознания вплоть до комы, при которой совершать активные и целенаправленные действия становится невозможным». Иначе говоря, фактически экспертом подтверждено, что потерпевший после нанесения ему ударов руками и камнем по голове находился в таком состоянии, которое обычный человек может принять за смерть, на что и указывал виновный. Несмотря на это, суд констатировал, что «...далее, действуя умышленно с целью причинения смерти З., П., продолжая реализовывать ранее возникший умысел, столкнул З. в воду, однозначно осознавая, что З. находится в бессознательном состоянии, и таким образом, пребывание в воде в подобном состоянии неизбежно повлечет за собой наступление смерти человека».

Представляется, что в данном случае судом (а в дальнейшем и судом апелляционной инстанции) было допущено определенное искажение ситуации: виновный не осознавал, что З. находится в бессознательном состоянии, а считал его умершим. Следовательно, для его восприятия ситуации помещение мертвого тела в водоем не могло неизбежно повлечь смерть, поскольку потерпевший в его сознании и так уже был мертв.

Подводя итог, хотелось бы еще раз отметить, что подобные ситуации с ошибкой в восприятии виновным развития причинно-следственной связи требуют скрупулезного установления всех объективных обстоятельств. Без этого доводы виновного не могут считаться опровергнутыми и должны трактоваться в его пользу (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). В противном случае судебное решение не может считаться законным и справедливым, вынесенным с соблюдением фундаментальных принципов уголовного права.

УДК 343.31

И.П. Стосуй

О ПРИЗНАКЕ ПУБЛИЧНОСТИ ОСКОРБЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ (ст. 369 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Любое государство, независимо от его политического и экономического устройства, всегда стремилось обеспечить защиту лиц, находящихся на государственной службе, в том числе посредством установления уголовной ответственности за различные деяния. Одним из важнейших условий успешной деятельности правоохранительных органов является вопрос защиты их чести и достоинства, которые в одном ряду с другими неотъемлемыми правами личности охраняются нормами международного, зарубежного и отечественного права.

Посягательства в отношении представителей власти, по сути, направлены против авторитета государственной власти и нарушают отношения в сфере нормального функционирования органов власти и управления. Чаще других представителей правоохранительной системы с гражданами контактируют сотрудники органов внутренних дел, сталкиваясь с конфликтными ситуациями и противодействием их законной деятельности. Как показывает статистика, оскорбление представителя власти – достаточно распространенное преступное деяние. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) ответственность за подобного рода деяние предусмотрена ст. 369.

Обращаясь к тексту диспозиции данной уголовно-правовой нормы, отметим, что противоправность данного общественно опасного деяния сформулирована, как «оскорбление представителя власти или его близких в связи с выполнением им служебных обязанностей, совершенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет».

Квалификации по ст. 369 УК подлежит лишь такое оскорбление представителя власти, которое совершено как при непосредственном исполнении им своих служебных обязанностей, так и в связи с их осуществлением (например, акт мести за их выполнение). Обязательным признаком объективной стороны преступления является публичный характер унижения чести и достоинства личности.

В теории уголовного права признак публичности оскорбления не получил однозначного толкования. Отсутствует понятие термина в тексте уголовного закона и в правоприменительных актах. Между тем, как показал анализ судебной и следственной практики, это существенным образом влияет на правоприменительный потенциал ст. 369 УК, вызывая сложности квалификации содеянного по совокупности с другими преступными деяниями, при отграничении от иных преступлений и ряда административных правонарушений, включая оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий (ст. 24.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях).

В юридической литературе можно встретить предложение о целесообразности отказа от признака публичности в основном составе оскорбления представителя власти и использование его в качестве квалифицирующего признака (А.В. Зарубин, А.Н. Александров). Такое предложение ученые обосновывают необходимостью усиления правовой защиты сотрудников правоохранительных органов. Считаем, что исключение из диспозиции статьи указания на публичный способ совершения оскорбления представителя власти приведет к сужению объекта рассматриваемого преступления.

В словаре С.И. Ожегова термин «публичный» означает «осуществляемый в присутствии публики, открытый», в словаре В. Даля – это «всенародный, оглашенный, явный, известный».

Применительно к рассматриваемому преступлению публичным признается оскорбление в присутствии хотя бы одного постороннего лица (кроме виновного и потерпевшего). Такими посторонними могут быть как частные лица, так и другие представители власти. И поэтому, если виновный унижает честь и достоинство представителя власти в присутствии коллег, его действия также следует квалифицировать по ст. 369 УК. Подобные действия не только подрывают личный авторитет потерпевшего среди сослуживцев, но и негативно сказываются на репутации всего органа власти и управления.

Унижение чести и достоинства представителя власти, выраженное в неприличной форме, может содержаться в публичном выступлении (например, на митинге, демонстрации, концерте, лекции и т. п.). При этом главный вопрос, требующий решения в данном случае, – вопрос о критериях, на основании которых то или иное выступление может быть признано публичным.

Относительно количества лиц, при которых можно считать выступление публичным, высказывался Ю.М. Ткачевский: «...публичность выступления на митинге, общем собрании жильцов дома или подъезда и даже перед группой, состоящей из пяти-шести человек, не вызывает сомнения. Но едва ли можно считать публичным сообщение клеветнического измышления двум-трем лицам». Большинство ученых при толковании признака публичности не конкретизируют численность аудитории, при которой данный признак может иметь место.

Следует согласиться с мнением Е.Е. Чередниченко, что нельзя ограничиваться каким-то конкретным числом слушателей, подведя все к единому знаменателю. Публичность является оценочным признаком и должна устанавливаться судом применительно к каждому конкретному случаю.

Так, ст. 369 УК предусматривает ответственность также за оскорбление в печатном или публично демонстрирующемся произведении, к которым относятся плакаты, газеты, компьютерные программы, статьи в интернете, публикации в социальных сетях, графические изображения, фотомонтажи и т. п.

Для квалификации деяния по указанному признаку необходимо, чтобы к данным произведениям имел доступ неограниченный круг лиц. Действия виновного образуют оскорбление и в случае выставления даже одного экземпляра произведения в общественном месте для публичного обозрения.

В публичном выступлении оскорбление может сопровождаться не только облаченными в нецензурную форму словами и прозвищами, но и циничными жестами. Оскорбительными действиями признаются также забрасывание яйцами, помидорами, грязью, обливание краской, помоями, оплевывание.

Дифференциация ответственности за оскорбление, содержащееся в публичном выступлении или публично демонстрирующемся произведении, несколько ограничивает сферу действия ст. 369 УК, так как, например, не всегда можно признавать выступлением разговор между тремя или более лицами, при котором один из них высказывает оскорбления в адрес представителя власти. Однако такой разговор приобретает признак публичности в сравнении с разговором двух лиц.

В этой связи представляется целесообразным поддержать мнение тех ученых, которые считают необходимым объединить два этих признака общим понятием публичности, а толкование самого термина должно найти отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.